

ЛиззоП

Олег Дозморov. И пенное облако над головой
Анастасия Векшина. Измерение глобуса
Сергей Золотарев. Подземный переход
Марианна Плотникова. Уходя, не шуми
Максим Страхov. Две линии
Бах Ахмедов. Жизнь к шести часам
Олеся Рудягина. Солдатик в траве

Олег Дозморов

И ПЕННОЕ ОБЛАКО НАД ГОЛОВОЙ

- Обязательно дальние страны.
Пусть болит от стихов голова,
пусть проводят свои караваны
облака над холмами, едва
различимые дальние пики
возвышаются, словно во сне,
пусть, как лазер, слепящие блики
жгут сетчатку на голубизне.

Взгляда не отвести от прибора.
Чайки жадные вахту несут.
«Все, что будет со мной и с тобою,
я узнал за пятнадцать минут», —
говорю на заброшенном пляже,
где ракушки, зыбучий песок,
ветер в дюнах протяжен, где даже
бой с минувшим не слишком жесток.

- На площади круглой на тумбе стоит
живая скульптура.
С мечом и в накидке, сурово глядит.
Ну, здравствуй, культура,

наив европейских больших городов.
Бросают монетку —
актер оживает и к фото готов.
Снимают брютетку.

За столиком рядом понуро сидит
фигура поэта.
Пьет кофе и мысленно небу грозит.
Плевали на это

туристы-жадюги. Гурьбою идут,
обходят толпою
болвана в очочках, сидящего тут
с бессмертной душою.

- Рецепты, карточка в пакетике.
Трясутся руки, льется пот.
Вот скажут в тесном кабинетике,
что жить тебе, допустим, год,
тотчас забегаешь, запрыгаешь,
забьешься мухой по стеклу,
но к сроку лапками задрыгаешь
на койке или на полу.
Ну а не скажут, отделение
покинешь с новой тоской,
как будто друга в окружении
оставил иль не принял бой.
Так хочется посмертной сложности?
Или достала пустота?
Живи. Реализуй возможности.
Европа. Лето. Лепота.

- На парк морозный пал туман.
Во вторник обещают дождь.
По четвергам поет орган,
заходит в куртках молодежь.

Я с тормозком в портфеле сквер
перехожу, живой на треть.
Лежать, как этот тамплиер,
и ни о чем не сожалеть.

Край неба подожжен искрой,
холодный в ноябре восход.
Плита могилы надо мной
и каменный соборный свод.

Такси сигналият на Флит-стрит,
автобусы заводят речь.
Повержен, зверь у ног лежит,
рука во сне сжимает меч.

Я плащ снимаю и один
жму в лифте стрелочку «наверх».
Во глубине британских глин
лежать, как в зубе мертвый нерв.

•

Я осмотрела все помойки
и выставленные пакеты
и на задворках автомойки,
и перед домом у поэта.

Я не какая-нибудь кошка,
а ты уставился в страницу
и пьешь свой кофе у окошка,
и проглядел меня, лисицу.

Я знаю тут все закоулки,
я гид по бедности, а это
достойно от колбаски шкурки
или куриного брикета.

Я обездолена изгнанием
и автономно, словно муза,
владею драгоценным знанием,
а ты, лентяй, не вынес мусор.

•

Борьба за жизнь, застывшая, как танец,
вагон уходит по тоннелю в ад.
Читает книгу сонный чужестранец.
Напротив бритт ломает шоколад.

В дверях стоит бродяга исступленный,
в деснице бургер, на устах Аллах.
Молчит народ, ничем не изумленный,
все девушки в высоких сапогах.

Мой пятистопный ямб, заткнись и слушай.
Но непреклонно продолжает он
бубнить свое в заложенные уши
и с музыкой выносит на перрон.

В мозгу проносятся мечты и звуки,
но их не слышно в воздухе сыром.
Как пустота заламывает руки,
как тишина грохочет под мостом!

Зачем мне отблеск непонятный нужен,
холодный свет от мартовской зари,
и тишина, которая снаружи,
и пустота, которая внутри?

•
О чем ты, звук, стихотворение?
О том, как напоследок дышит
в стеклянной вазочке растение?
Я не могу тебя расслышать.

О ежедневном исцелении
от сновидения ночного,
будильника распоряджений,
всегда внезапно, в полседьмого?

Я не могу понять. Наверное,
о человеке в свете грусти,
и потому ты снова нервное.
И мы подробности опустим.

А ты, от музыки, от внутренней
невыразимо одиноко,
на самой ранней зорьке утренней
лети над бездной неширокой.

•
Поговори со мной. О чем?
О том, что нужен дом.
О том, что ранняя весна
лишает напрочь сна.

О том, что молодость прошла,
но эта мысль пошла.
А стихотворный разговор —
повтор, увы, повтор.

Повтор, повтор. Еще повтор.
Потом — ого — простор.
И ничего. И все равно.
Пойдем, дружок, в кино?

•
Как дождь подновляет окрестность,
как сливочным светом вокруг
облита гористая местность,
поэта сообщник и друг.

Но цвета мучительный запах,
и старые ветви берез,
и вот уже сырость в силлабах,
и ты умираешь всерьез.

И сразу же, черт, воскресаешь
под умное пенье дрозда
и глупые мысли бросаешь
навек, совсем, навсегда.

Все смыто, оставлено сзади.
Идет человек за рекой.
Давай поздоровайся с дядей,
махни незнакомцу рукой.

Здесь утлый объем человека,
значение каждой из душ
растет, хоть ты хват, хоть калека,
чем дальше в гористую глушь.

И даль голубеет, белеет.
Прощенным быть в малых грехах
и вечно идти вдоль аллеи,
как в чьих-то надежных стихах.

•
Наверное, хватит? Пожалуй, пора?
Но я не согласен заткнуться.
Ведь я только начал. Сыграем? Игра
такая: идти, обернуться

и быстро на облако то посмотреть,
рукой закрываясь от солнца,
что в окнах мансард начинает гореть,
прищуриться пуще японца.

Я нагло намерен сейчас описать,
навек оставив вот это:
облитый дождем абрикосовый сад
в огне исступленного цвета,

и пенное облако над головой,
что рдеет, отбившись, над строем,
и лучшая девушка рядом со мной,
которой опять недостоин.

•

Как из зарослей, из кустов
птица жаловалась на жизнь.
Я сказал ей тихо, без слов:
«Слушай, птица, давай держись.

Я вот тоже все не готов
ни к предательству, ни к войне,
и к таким сочетаньям слов
тоже, в общем-то, не вполне.

Кто зорит у тебя гнездо,
умерщвляет твоих птенцов?
Кто меня заставляет «Доз-
моров, Дозморов, моров», —

возвещать из своих кустов
утром очередного дня?»
Без использования слов
чирк пернатая на меня:

«Хорошо тебе, человек,
ты свободен, хоть и бескрыл.
А я птица, небесный клерк,
бес лесной, бесполезный пыл.

Ты в коробочке черепной
держишь музыки Таджмахал.
О зиме сочинил весной,
эпигонский лоб полыхал.

В ад вошел двадцать лет назад,
испохабил тетрадный лист».
Птица ринулась в мокрый сад
и совсем перешла на свист.

•

Житейская драма поэта,
убившая многих, она
как легкие перья рассвета,
как та, за морями, страна.

Она с пересохших, соленых
неслышно срывается губ
и бродит вдоль улиц спаленных,
как Федор Кузьмич Сологуб.

Кто знает? А кто ожидает,
что рифма к читаче прильнет,
прилипнет и не отлипает,
и жить двадцать лет не дает?

Житейская драма поэта,
откуда мы доим лиризм,
с бутылкой, в слезах, неодета,
короче, сплошной прозаизм.

Любовь, ожиданье трамвая,
буханье, распри с отцом,
развод и такая-сякая
депрессия перед концом.

Все как у людей, но помимо —
добавка, летучий фермент,
на музыку ту, что любима,
печальную абонемент.

Теперь не отвертись, как же.
Похуже, чем алкоголизм.
А как тут об этом расскажешь?
Вот, скажут, дурной символизм...

•
Опираючись на стенку
в тихом лондонском метро,
вспомню Сахарову Ленку
в синтетическом манто.

Я ли, Ленка, не дежурил
под окном в вечерний час?
Я ль не прятался, как жулик,
дверь не выпускал из глаз?

Не мечтал я быть поэтом
о четырнадцати лет,
мне хотелось быть отпетым,
сильным, грубым, как кастет.

Очень нежным быть хотелось,
в щечку лишь поцеловать,
удивительную прелесть
снов тревожных разгадать.

А сейчас я с лирой, Лена,
чтоб тебя употребить
как лекарство против тлена,
как в веках живую нить.

Кто сказал, что быть счастливым
лучший смертного удел?
Быть везучим, похотливым,
краше прочих смертных тел?

Независимо от факта
(может, ты уже мертва),
ни инсульта, ни инфаркта,
ты навеки тут жива.

Ждешь меня и ешь варенье,
глядя нежно из окна.
Ты уже стихотворенье,
ты — предвечная весна.

•
Не читатели литературы —
никакой, ни такой, ни другой —
в небесах силовые структуры,
представители власти иной.

Я читал стихотворную книжку,
чай прихлебывал, в небо смотрел,
и они охмурили парнишку,
на рассвете ведут на расстрел.

Чепуха! Неживым притворился,
несмертельную рану зашил,
у надежных людей схоронился
и без паспорта как-то зажил.

Нет ни родственников, ни начальства,
нет свидетелей, есть ДНК.
Сделал пластику и подкачался,
вам теперь не узнать паренька.

Вы меня не узнаете больше,
я пластинку и время сменил.
Я прошел, как агрессор по Польше,
разве только не жег, не бомбил.

Опоясался крест-накрест рифмой,
строго с четным количеством стрóf,
пусть безжалостный, но колоритный,
и к победе, и к смерти готов.

Выхожу на дорогу с окраин.
Путь кремнистый блистает — невмочь.
Кто писал изумительный «Камень»,
сочинял «Европейскую ночь»?

Кто меня обманул и покинул?
Бросил с пулей в овраге глухом?
Кто внутри все сломал, передвинул
сочиненным случайно стихом?